

К 40-ЛЕТИЮ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

За строкой приговора ИСТОРИИ

Достав с полки стандартную синюю папку под номером 39, художник прочитал надпись, аккуратно выведенную на ней: «Зарисовки, сделанные в 1945 г. на Нюрнбергском процессе». И словно громовым раскатом загремела уютная мастерская на улице Горького, где работают М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов — знаменитые Кукрынышксы. Эхом минувшей войны, суровым голосом истории заговорили листы, рожденные четыре десятилетия назад во время гневного и справедливого суда народов над фашистскими преступниками.

— Долгое время не могли мы расстаться с этими рисунками — нашей жизнью и памятью, — рассказывают художники, которые все 1.418 дней войны, трудясь в шесть рук, клеймили, разоблачали звериный облик фашизма, хорощей шуткой, острым шаржем поднимали боевой дух солдат. Тоже воевали. Теперь большинство рисунков покинуло мастерскую. Многие переданы в Третьяковскую галерею, другие — в издательстве: на выходе новая книга «Кукрынышксы. Годы войны», и нюрнбергская

серия занимает в ней солидное место.

— До мельчайших подробностей помнится дорога по разрушенным улицам Нюрнберга — по иронии судьбы центр сборищ нацистских главарей стал местом их последнего суда. Нескончаемые коридоры мрачного Дворца юстиции, чудом уцелевшего в разрушенном городе, приближали нас к залу суда. Наконец, у последнего поворота проверены пропуска, и мы получаем право войти в зал, увидеть тех, против кого сражались своим оружием в течение бесконечно долгих четырех лет войны...

Их рисунки были так остроумно злы и беспощадны, что взбешенные гитлеровцы внесли их имена в особый «черный список» советских деятелей искусства, «подлежащих уничтожению». Значилось в том списке имя еще одного художника — Б. Ефимова, который здесь, в Нюрнберге, тоже встретился с многими персонажами своих карикатур.

— Нам были выделены места в ложе для прессы, — вспоминают Кукрынышксы, — рядом с репортерами, видными писателями, с нашими коллегами. В первом ряду,

помнится, устроился вначале замечательный мастер Н. Жуков. Но его вроде бы удобная позиция оказалась нерабочей. Едва преступники замечали, что их рисуют, они отворачивались, прятались за чужие спины, прикрывались газетой. Тогда, вооружившись военным восьмикратным биноклем, художник пересел в четвертый ряд и с этой новой позиции, манипулируя глянцевым биноклем, карандашом и наушниками, чтобы следить за ходом процесса, делал свои документальные рисунки, насыщенные гочными деталями и подробностями.

Высоко оценивая работу товарища, Кукрынышксы и сами ни в чем не уступали ему — ни своей неутомимостью, ни высокой профессиональной хваткой, ни подлинным репортерским чутьем. Их карандаш не знал покоя, и в бесконечных набросках, эскизах, снайперски схваченных деталях проявлялась вся сущность этих низких, эмерзительных душ — бывших главарей третьего рейха, преступников, высокопоставленных палачей, подсудимых.

Перебираем листы, тронутые временем, — небольшие

плотные прямоугольнички, обрывки истонченной бумаги, понавшей тогда под руку, — и торопливые штрихи складываются в поразительно убедительные характеристики заправил нацизма, в зримые строки истории.

Все, кто следил в те дни за работой художников, понимали, что это не только газетная публицистика, — работа на будущее. И действительно, из тех нюрнбергских впечатлений появилась картина «Конец», которая и поныне остается одним из немногих живописных произведений, с яростной силой показавших крушение фашистской Германии. А вслед за ним родилось полотно «Свидетели обвинения», воссоздавшее самые страшные страницы суда народов, — демонстрацию хроникальных фильмов-отчетов Гитлеру в том, как выполняется его немислимый приказ об уничтожении людей. Жутких, садистских фильмов, после которых весь зал не мог прийти в себя от только что виденного кошмара.

Не остались в прошлом исторические полотна и рисунки Кукрынышксов. Напоминающая о его уроках, зовут они к бдительности. И сегодня на передовой их страстное, публицистическое искусство, обличающее чужденавистническую идеологию агрессии, расизма, международного разбоя. Искусство, сражающееся за мир.

Л. БЕРНАСКОНИ.
(ТАСС).